

Д.Ю. Хоменко

Красноярский медицинский техникум
ул. Инструментальная, 12, Красноярск, 660123
E-mail: khomenko_denis@mail.ru

ЗЕМЛЕ- И ВОДОУСТРОЙСТВО КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривается процесс землеустройства хакасов и водоустройства в низовьях Енисея в начале XX в. Автор анализирует водо- и землеустройство как части единого процесса. Доказывается, что водо- и землеустройство не носили этнодискриминационного характера по отношению к коренным жителям Сибири: реформы привели к уменьшению пользования природными ресурсами как коренного, так и русского старожильческого населения. Более того, показывается, что по возможности землеустроители старались учесть интересы коренных жителей, наделяя их землей сверх нормы. Кроме того, автор доказывает, что земле- и водоустройство служили цели создать правовые условия для проникновения крупного капитала в Сибирь. На юге губернии в результате экспроприации земель у хакасов было образовано капиталистическое овцеводческое хозяйство. На севере эта цель не была достигнута — не нашлось желающих для создания хорошо обустроенного рыболовецкого хозяйства.

Ключевые слова: *землеустройство, водоустройство, Енисейская губерния, хакасы, Енисейский Север, минусинские и ачинские татары, рыболовность, капиталистическое хозяйство.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-118-125

В начале XX в. в Сибири активно проходил процесс землеустройства, в том числе коренных народов Южной Сибири. На территории Енисейской губернии землеустройство затронуло хакасское население. Практически одновременно власти провели водоустроительную реформу в низовьях Енисея, которая касалась интересов коренного населения Таймыра. Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы получили освещение в ряде работ [Дамешек, 2007; Шерстова, 2005; Шекшеев, 1998; Ващенко, 1979; Шиловский, 2005]. Новизна настоящей статьи заключается в подходе к водо- и землеустройству как к однопорядковым явлениям, составным частям единого процесса. Цель исследования — выявление задач и итогов государственной политики в области земле- и водоустройства коренных народов Енисейской губернии и связи этих мероприятий с проникновением крупного капитала в Сибирь. Работа основана на анализе материалов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Красноярского края и архива г. Минусинска, а также опубликованных материалов Енисейской научно-промышленной экспедиции 1908–1915 гг.

Хронологически раньше произошло водоустройство в низовьях Енисея (в 1908 г.). Основным занятием русского населения долины р. Енисея к северу от деревни (станка) Осиновой было рыболовство. Распределение рыболовных угодий между селениями осуществлялось на основании обычного права. В пределах проживания русского населения (от ст. Осинового до ст. Дудинского) ежегодно выходило для рыбного промысла некоторое количество «инородческих» семей. Они свободно пользовались рыболовными песками. Споров из-за этих местностей не зафиксировано. Пространство к северу от ст. Дудинского считалось традиционным местом водопользования «инородцев». Современник отмечал, что в середине XIX в. «низовские жители» не пускали в низовья Енисея пришлых рыбопромышленников [Кривошапкин, 1865, с. 158]. Рыболовством на Енисее занимались енисейские остяки, остяко-самоеды, юраки, самоеды, долганы и тунгусы.

Организация в 1863 г. частного пароходства привела к появлению в низовьях р. Енисея пришлых рыболовных артелей. Тогда же, в 1860-х гг., администрацией был установлен «неводной сбор», который взимался с артелей в пользу «инородцев». Однако в 1899 г. Иркутский генерал-губернатор усомнился в правах коренных жителей на пользование рыболовными песками в низовьях Енисея, и «неводной сбор» на этом основании был отменен [Востротин, 1910, с. 22–25].

Появление пароходства значительно изменило традиционный уклад жизни в низовьях Енисея. К концу XIX в. пароходоладельцы монополизировали вывоз рыбы из Туруханского края. И крестьяне, и коренные жители были вынуждены сдавать рыбу по заниженным ценам парохо-

Земле- и водоустройство коренных народов Енисейской губернии в начале XX в.

довладельцам. Последние перепродавали ее в г. Енисейске значительно дороже. Кроме того, пароходовладельцы продавали рыбопромысловикам предметы первой необходимости (хлеб, чай, орудия промысла) втридорога. Для самых бедных существовала система «обстановки»: пароходовладелец поставлял крестьянину или «инородцу» необходимые орудия для промысла и продукты в счет будущего улова. Нередко рыбопромысловики попадали в многолетнюю кабалу, и их положение было очень бедственным. Можно говорить, что пароходовладельцы явились своеобразными агентами модернизации, так как вовлекали местных жителей в товарно-денежные, рыночные отношения. Однако эта модернизация оказалась хищнической, приобрела нецивилизованные формы, свелась к эксплуатации местного населения.

В 1908 г. Управление государственных имуществ Енисейской губернии организовало Енисейскую научно-промышленную экспедицию, которая проработала до 1915 г. Кроме научных (географическое описание низовьев Енисея, изучение способов и орудий лова рыбы) перед экспедицией были поставлены сугубо практические задачи: изучить вопрос о принадлежности рыболовных местностей. В результате ее работы было установлено, что побережья ниже 69° с.ш. следует считать незаселенными, а значит, находящимися в полном распоряжении государства. Осенью того же года Иркутский генерал-губернатор принял «Временные правила для рыболовства в низовьях Енисея», в коих было закреплено, что на данных территориях создаются 125 рыболовных участков, которые должны сдаваться в аренду на рыболовный сезон. Характерно, что эти участки были запроектированы экспедицией еще до утверждения правил. Этот акт вызвал широкий общественный резонанс — целый шквал критических статей в енисейской и сибирской прессе. Общественные деятели увидели в решении генерал-губернатора ущемление прав коренных жителей Енисейского Севера, писали об «ограблении инородцев» (подробнее об этом: В[довин, 2004]). Депутат Государственной думы Востротин даже издал брошюру, специально посвященную данному вопросу [1910].

Проведенная реформа лишала коренных жителей возможности законно и бесплатно пользоваться рыболовными промыслами и, наоборот, создавала правовую основу для проникновения пришлого капитала (в том числе крупного) на Енисейский Север в форме аренды рыболовных промыслов.

Водоустройство в низовьях Енисея вряд ли носило этнодискриминационный характер. В результате реформы пострадали как коренные жители, так и жители русских станков, проживавшие в долине Енисея южнее, которые регулярно, год от года, осуществляли рыболовный промысел в низовьях реки. Пострадали и мелкие пришлое артели, количество которых особенно увеличилось с организацией в 1906 г. казенного пароходства. Вместе с тем после отмены «неводного сбора» правовая ситуация вокруг рыболовных песков была крайне неоднозначной и требовала скорого решения: были известны случаи конфликтов из-за рыболовных промыслов, в ходе которых пришлое артели выгоняли «инородцев» с их традиционных промыслов [Окулич, Исаченко, 1909, с. 17].

Управление государственных имуществ не скрывало своих намерений — способствовать проникновению на Енисейский Север крупного капитала с «цивилизаторской» миссией. Организаторы экспедиции прямо писали в своих публикациях: «нужно урегулировать промысел... и тогда найдутся энергичные люди, найдется капитал, и вокруг хорошо оборудованных промысловых заведений будет кипеть жизнь и работа» [Исаченко, Лавров, 1908, с. 56].

Однако водоустроительная реформа не достигла своих целей: более половины участков были арендованы «Енисейской компанией пароходства», которая не пожелала инвестировать в организацию «хорошо оборудованных промысловых заведений», а предпочла передать участки в аренду местным рыбопромышленникам. «Туруханцы принуждены снимать в аренду из вторых рук — у «Енисейской компании», к которой попали все лучшие пески, да еще на драконовских условиях: с отдачей половины улова по той цене, какую вздумается назначить компании» [Л.К., 1909а]. В результате в 1916 г. сотрудник Енисейской научно-промышленной экспедиции А.Г. Шлихтер констатировал, что торговый капитал получал настолько большие выгоды в Туруханском крае, за счет своих посреднических функций, что вкладывать деньги в интенсификацию производства для него было абсолютно невыгодным [1916, с. 96].

Заметим, что из 125 участков 52 были предоставлены в пользование «инородцам» и многочисленным русским «низовским жителям». Таким образом, местные жители получили юридическое закрепление права пользования своими традиционными рыболовными песками, хотя их площадь была сокращена более чем в два раза [Исаченко, Лавров, 1909, с. 24].

Реформа 1908 г. не была единичным мероприятием. Аналогичные правила были утверждены для Аральского моря, оз. Байкал и низовьев р. Амур [Л.К., 1909b]. Как было указано, водоустроительная реформа 1908 г. стоит в одном ряду с землеустройством коренных народов Южной Сибири. Но если землеустроительные работы у хакасов Енисейской губернии вызвали активное сопротивление последних, выразившееся как в массовой подаче жалоб на землеустроителей, так и в открытом сопротивлении, так называемом Ачинском бунте 1913 г. (о чем речь пойдет ниже), то на Енисейском Севере мы не наблюдаем каких-либо организованных протестов со стороны местного населения.

Процесс землеустройства в Сибири, и в Енисейской губернии в частности, начался в 1890-х гг. Непосредственной причиной землеустроительных мероприятий была практическая необходимость выделить участки для нужд переселенцев из Европейской России [Шиловский, 2005, с. 38]. Землеустроители в Енисейской губернии под руководством В.Ю. Григорьева (старшего чиновника по составлению отводных записей, позже — заведующего переселением и землеустройством) не спешили с проведением соответствующих работ в отношении коренного населения — хакасов. До революции 1917 г. коренное население Минусинского и Ачинского уездов не имело самоназвания. В научной литературе и делопроизводственной документации фигурировали наименования «минусинские и ачинские инородцы» или «минусинские и ачинские татары». В начале XX в. они образовывали четыре административные единицы: Абаканская и Аскизская инородные управы Минусинского уезда и Кызыльская и Мелетская инородные управы Ачинского уезда, в 1912 г. преобразованные в инородные волости. В рамках статьи термин «хакасы» употребляется как собирательный для всего коренного населения Минусинского и Ачинского уездов.

В.Ю. Григорьев опубликовал работу «К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края», в которой последовательно доказывал, что наделение землей по общей норме (15 дес. удобной земли и 3 дес. леса на мужскую душу) будет недостаточным для скотоводческого хозяйства хакасов [1906, с. 118]. В конце работы В.Ю. Григорьев настаивал на организации специального исследования хакасских хозяйств. Такое исследование было проведено Н.Н. Козьминым и М.Н. Богдановым в 1909–1910 гг. Результатом работ стал вывод о минимально необходимом наделе для жителей Абаканской управы в 61,3 дес. на душу и для жителей Аскизской управы — в 31,3 дес. на душу [Козьмин, 1917, с. 23]. При этом фактическое землепользование для Аскизской управы в среднем составляло 22,1 дес. на душу, а для Абаканской — 54,25 дес. (подсчитано по: [РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 4 об.–5]). Таким образом, предлагавшиеся нормы наделов даже превышали размеры фактически существовавших у хакасов.

Однако Переселенческое управление в 1913 г. предписало В.Ю. Григорьеву производить землеустройство хакасов по общему правилу. Результаты работ Н.Н. Козьмина и М.Н. Богданова не могли рассматриваться как нормы для землеустройства всех хакасов, и каждое отступление от норм нужно было считать исключительным [Там же, л. 55–55 об.].

В 1912–1913 гг. Минусинская поземельно-устроительная комиссия разрабатывала проекты поземельного устройства «инородцев». Большинство проектов было рассмотрено общим присутствием Енисейского губернского управления 17 мая 1914 г., еще несколько — 12 июня того же года. Затем они утверждались Иркутским генерал-губернатором и отправлялись в Переселенческое управление в марте — апреле 1915 г. В большинстве случаев землеустроителям удалось наделить хакасов землей сверх нормы. Утверждения проектов землеустройства в большинстве случаев проходили без изменений: Енисейское губернское правление и Иркутский генерал-губернатор поддерживали переселенческих чиновников в их стремлении увеличить наделы коренного населения. Местная администрация оказывалась между двух огней: с одной стороны — требования Петербурга о скорейшем землеустройстве коренных народов, с другой — необходимость провести реформу максимально безболезненно для населения во избежание волнений.

В Усть-Абаканской волости наибольший душевой надел получила надельная группа из улусов Кутень-Булак и др. — 67,98 дес. удобной земли на душу [РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 87 об.]; наименьший — Синявинское и Бейское сельские общества: по 23,79 дес. на душу [Там же, л. 81 об.]. В среднем по волости надел составил 36,42 дес. на душу.

В Аскизской инородной волости только некоторые улусы получили наделы выше нормы, а многие, наоборот, значительно ниже 15 дес. на душу. Наименьший надел получил улус Верхний

Земле- и водоустройство коренных народов Енисейской губернии в начале XX в.

Имек — 7,46 дес. [Там же, л. 167], а наибольший — Сырское сельское общество — 34,51 дес. [Там же, л. 93] В среднем по Аскизской волости душевой надел составил 15,78 дес. удобной земли. Сравнение итогов землеустройства с данными М.Н. Богданова о фактическом землепользовании показывает, что площади землепользования хакасов Минусинского уезда были значительно уменьшены — почти в полтора раза по обеим волостям (табл.).

Результаты землеустройства хакасского населения, дес.*

	Усть-Абаканская волость	Аскизская волость
Фактическое землепользование	53,5	22,1
Нормы землеустройства 1910 г.	61,3	31,3
По итогам землеустройства	36,42	15,78

* Составлено и подсчитано по: [РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 4 об.–5, 84 об., 114 об., 159 об., 98–98 об., 127, 132–132 об., 74, 104–104 об., 109 об., 138, 69, 67, 154 об., 149, 79, 90, 121, 143, 167; Козьмин, 1917, с. 23]

У исследователей нет однозначного мнения о площади земель, которые были изъяты из землепользования хакасов в ходе землеустройства. Называются следующие цифры: 670 тыс. дес. [Дамешек, 2007, с. 70], 600 тыс. дес. [Козьмин, 1917, с. 12]. Сами землеустроители «путались в показаниях». Так, В.Ю. Григорьев в письме Переселенческому управлению от 31 июля 1914 г. указывает, что в северной части Усть-Абаканской волости было изъято 60–70 тыс. дес. [РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 167 об.]; в его же письме Иркутскому генерал-губернатору эта цифра «превращается» в 100 тыс. дес. [Там же, л. 187 об.]. Следует учитывать, что параллельно с землеустройством Управление государственных имуществ Енисейской губернии проводило лесоустройство, в ходе которого лесные площади также изымались из пользования хакасов, и эти площади также входят в число отрезков.

Подсчеты, произведенные по данным из упомянутого письма В.Ю. Григорьева в Переселенческое управление от 31 июля 1914 г., показали, что из землепользования хакасов Минусинского уезда было изъято не менее 260 тыс. дес. пахотной, сенокосной и пригодной для скотоводства земли. Лесные отрезки составили не менее 360 тыс. дес. Таким образом, в целом по Минусинскому уезду было изъято не менее 620 тыс. дес. (подсчитано по: [РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 167 об.–168]). Иркутский генерал-губернатор в письме в Переселенческое управление от 14 ноября 1914 г. указывал площадь изъятых земель по Минусинскому уезду в 670 тыс. дес. [Там же, л. 191]. Эти цифры можно назвать вполне сопоставимыми. Возможно, за прошедшие 3,5 мес. землеустроители изъяли дополнительно 50 тыс. дес.

По данным Н.Н. Козьмина, размер изъятий из землепользования хакасов в Ачинском уезде составил 74,5 тыс. дес. [1917, с. 12]. Соответственно всего у хакасов было изъято не менее 744,5 тыс. дес. земли.

Хакасы, естественно, были недовольны массовыми земельными изъятиями и пытались с ними бороться. В Минусинском округе коренные жители выбрали тактику борьбы в рамках существовавшего законодательства: они подали жалобы и пытались оспорить (безуспешно) каждое решение землеустроительных комиссий в отдельности. В Ачинском уезде сопротивление землеустроительным работам выразилось в так называемом Ачинском бунте в сентябре 1913 г. (подробнее об этом: [Хоменко, 2012]).

Далеко не всегда земли, изъятые из пользования хакасов, попадали в колонизационный фонд. Многие из этих земель были совсем непригодны для земледелия, поэтому землеустроители предпочитали формировать запасные участки, предназначенные для сдачи в аренду. Автор отчета о землеотводных работах в Енисейской губернии в 1915 г. указывал, что в так называемой Койбальской степи было образовано большое количество запасных участков, на которые имелся высокий спрос среди скотопромышленников. В этом документе отмечено, что «обрабатывать их (запасные участки. — Д. Х.) в состав последнего (колонизационного фонда. — Д. Х.) было бы чрезвычайно нежелательно. Это в настоящее время будет единственный земельный резерв в распоряжении казны» [ГАКК, ф. 262, оп. 1, д. 117, л. 67–67 об.]. Таким образом, землеустроители абсолютно не стесняясь заявляли, что изъятые в ходе реформы земли пойдут не в пользу переселенцев, а для сдачи в аренду и извлечения прибыли государством. А в конечном итоге выгоду от такого землеустройства должны были получить «скотопромышленники», т.е.

представители крупного капитала российского происхождения. Один такой показательный случай имел место.

Товарищество «Владимир Алексеев» владело сетью мануфактурных текстильных фабрик в Центральной России, а также овцеводческими хозяйствами в Ставропольской губернии. В 1908 г. контракт на аренду земель в Северокавказском регионе заканчивался, и собственник (удельное ведомство) предупредил, что продлен он не будет. Поэтому товарищество было вынуждено искать новые земли.

Товарищество «Владимир Алексеев» обратилось в 1908 г. в Главное управление землеустройства и земледелия (далее — ГУЗиЗ) с просьбой предоставить в аренду запасные участки Учумский и Каргалык в Ачинском и Минусинском уездах соответственно. Еще до рассмотрения этого вопроса в Совете министров главноуправляющий ГУЗиЗ распорядился удовлетворить прошение товарищества. Следует отметить, что данные участки изначально проектировались как переселенческие, однако главноуправляющий распорядился перевести их сначала в разряд запасных, а затем преобразовать в казенно-оброчные для сдачи в аренду. Однако кроме этих, сформированных, участков товарищество претендовало также на земли «при станции Алтайской». Несмотря на то что при станции не было никаких запасных участков, ГУЗиЗ поручило минусинской поземельно-устроительной партии сформировать такой участок. В связи с полученными распоряжениями заведующий землеустройством и переселением в Енисейской губернии В.Ю. Григорьев в предложении от 19 марта 1909 г. предлагал Н.Н. Козьмину «с целью образования запасного участка при “ст. Алтайской” приступить к поземельному устройству некоторых инородческих улусов Абаканского ведомства, за счет излишков землепользования коих мог бы быть образован названный участок, размером в 15–16 тыс. десятин» [АГМ, ф. 71, оп. 1, д. 240, л. 10 об.]

Вскоре распоряжения ГУЗиЗ были подтверждены решением Совета министров, а 22 июня 1909 г. утверждены императором. 4 ноября 1909 г. состоялось заседание Временной комиссии по вопросу об образовании запасного участка «Овечьего». Выяснилось, что часть территории, намеченной товариществом «Владимир Алексеев», была еще в 1908 г. включена в состав переселенческого участка Солонозерского, который не был официально утвержден, что не мешало, однако, условно причислить к нему орловских переселенцев.

Обозначились и другие трудности при выделении земли товариществу: «инородцы», из пользования которых были изъяты земли для нужд товарищества, возражали против выделения в участок лесных борков по берегу Енисея и двух пресных ключей возле оз. Алтайского (Пресного). Кроме того, выяснилось, что само оз. Пресное отдано в аренду для добычи соли.

Все эти противоречия были разрешены комиссией в пользу товарищества: утвердили запасной участок Овечий в размере 15 143,5 дес. удобной земли (и 265,01 дес. неудобной), ходатайства «инородцев» отклонили, приняли решение для нужд орловских переселенцев отвести переселенческий участок по смежеству [АГМ, ф. 71, оп. 1, д. 240, л. 25 об.]. Касательно пресных ключей близ оз. Алтайского приняли компромиссное решение: один ключ был передан товариществу, второй оставлен переселенцам. Впрочем, вопрос о водных источниках решался на протяжении 1910 г. Томское горное управление, которое ведало сдачей в аренду оз. Алтайского, признало возможным передать пресные источники в пользование товарищества «Владимир Алексеев», поскольку «арендатор озера ключами этими не пользуется» [Там же, л. 37 об.].

Как и водоустроительная реформа 1908 г. в низовьях Енисея, этот случай получил освещение в прессе. Так, в газете «Сибирская жизнь» в декабре 1909 г. была напечатана критическая статья некоего Ив. Горного, в которой он обвинял власти в сговоре с арендаторами, непроведении торгов и ущемлении прав переселенцев [Горный, 1909]. В январе следующего года было опубликовано опровержение Управления государственными имуществами Енисейской губернии.

Таким образом, государство поддержало крупный капитал в его стремлении организовать овцеводческое хозяйство в хакасских степях. Местные землеустроительные власти в лице В.Ю. Григорьева, который весьма щепетильно относился к экспроприациям земель у хакасов для нужд переселенцев, были вынуждены выполнять указания вышестоящих органов, ущемляя при этом интересы как коренного населения, так и потенциальных переселенцев. Однако государство, поддерживая крупный капитал, оставляло последнее слово за собой: земля в Сибири оставалась в собственности государства, и согласно заключенному контракту Управление государственных имуществ имело право его разорвать, в случае если товарищество не будет выполнять взятые на себя обязательства [Волков, Иванов, 1910].

Земле- и водоустройство коренных народов Енисейской губернии в начале XX в.

Товарищество «Владимир Алексеев» смогло организовать достаточно успешное крупное капиталистическое хозяйство на предоставленных землях. Этот пример «вдохновил» некоторых местных государственных деятелей. Так, начальник Управления государственными имуществами по Енисейской губернии И.К. Окулич считал необходимым провести наделение хакасов землей на общих основаниях, чтобы таким образом принудить их к интенсификации своего хозяйства. Факт пригодности земель хакасов исключительно для скотоводства не смущал его, так как эти земли нужны были «для скотоводов из Европейской России». Пример деятельности товарищества «Владимир Алексеев» И.К. Окулич называет «блестящим» [РГИА, ф. 391, оп. 4, д. 1923, л. 59].

Вместе с тем проникновение крупного капитала на хакаские земли еще не носило в начале XX в. массового характера. С аналогичной просьбой (об отдаче в аренду на 99 лет запасного участка «Тептятка» близ г. Ачинска) обратился в ГУЗиЗ в 1910 г. генерал-майор К.М. Каменев. По его словам, он желал бы завести на этих землях коннозаводское хозяйство, аналогичное существовавшему в его имении в Курской губернии. Енисейский губернатор Я.Д. Бологовский ответил на запрос отрицательно, так как данный участок еще в 1899 г. был отведен Советом министров в надел мещанам г. Ачинска. Однако через два года, после повторного обращения К.М. Каменева, губернатор изменил точку зрения и в своем представлении от 10 апреля 1912 г. на имя Иркутского генерал-губернатора указал, что находит возможным отдать в аренду под коннозаводское предприятие часть участка «Тептятки», а именно 350 дес. [РГИА, ф. 396, оп. 6, д. 36, л. 19 об.]. Решение губернатора было основано на мнении Управления государственными имуществами и заведующего переселением и землеустройством. Эти ведомства, неоднократно сталкивавшиеся (прежде всего по вопросам землеустройства и создания казенных лесных дач), проявили удивительное единодушие в данном вопросе. К сожалению, не имеется сведений, согласился ли К.М. Каменев на эти предложения. Значительно важнее тот факт, что государство вновь оказалось на стороне частного капитала: чиновники даже изменяют собственное мнение и готовы ущемить интересы горожан в пользу капиталистов.

Можно утверждать, что отдача в аренду товариществу «Владимир Алексеев» земель для нужд овцеводческого хозяйства не носила этнодискриминационного характера. Земли были изъяты у хакасов не потому, что они хакасы, а как наиболее пригодные для овцеводческого хозяйства, о чем заявляли представители товарищества [АГМ, ф. 71, оп. 1, д. 240, л. 8]. Были ущемлены интересы и русского населения: переселенцев и арендатора оз. Алтайского. Как можно видеть из аналогичного примера, при обеспечении интересов крупного капитала государство не считалось с интересами местного населения вне зависимости от его национальной принадлежности и сословного статуса.

Подводя итоги земле- и водоустройства в Енисейской губернии, следует заметить, что на юге губернии в результате экспроприации земель под нужды крупного капитала было создано образцовое капиталистическое хозяйство. Государство в этом смысле достигло поставленных целей. Попытка же создать рыболовное капиталистическое хозяйство потерпела фиаско: водоустройство открыло путь в низовья Енисея ростовщическому капиталу, права местных жителей (включая коренное население) были ущемлены, а компенсация оказалась незначительной.

Несмотря на то что непосредственные причины земле- и водоустройства были различны (выделение земель для нужд переселенцев из Европейской России и обеспечение правовых основ рыболовного промысла), сущность этих процессов была единой: государство устанавливало право своей собственности на земельные и водные угодья. Кроме того, в обоих случаях создавалась правовая основа для проникновения в Сибирь крупного капитала. Сами по себе мероприятия по водо- и землеустройству не были этнодискриминационными по отношению к коренным народам Сибири, поскольку в ходе реформ ущемлялись права и русского старожильского населения. Государство активно способствовало проникновению крупного капитала в Сибирь, не только обеспечивая правовую основу, но и производя необходимую экспроприацию природных ресурсов у сибирского населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Дело о поземельном устройстве инородцев Минусинского уезда* // РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1923.
Документы о сдаче в аренду земельного участка «Овечьего» Бейской волости торгово-промышленному участку «Владимир Алексеев» для развития скотоводства. 1909 г. // АГМ. Ф. 71. Оп. 1. Д. 240.

Д.Ю. Хоменко

О сдаче частным лицам в аренду казенных земельных участков под сельско-хозяйственные предприятия в Енисейской губ. 1912 г. // РГИА. Ф. 396. Оп. 6. Д. 36.

Отчет о работе землеотводного отдела за 1915 год // ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 117.

Литература

Ващенко П.Т. Социально-экономический уклад населения Таймыра во второй половине XIX — начале XX вв. // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 185–197.

Вдовин А.С. Общественный резонанс одной научной экспедиции // Енисейская провинция: Альманах. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004. Вып. 1. С. 91–99.

Волков В., Иванов С. Письмо в редакцию от управления Государственными имуществами Енисейской губ. в Красноярске // Сиб. жизнь. 1910. № 11. С. 3–4.

Востротин С.В. Туруханская рыбопромышленность и инородцы. СПб: Тип. Альшулера, 1910. 62 с.

Горный И. Переселение баранов из Кавказских степей в Минусинские // Сиб. жизнь. 1909. № 282. С. 3.

Григорьев В.Ю. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1906. 133 с.

Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII — нач. XX в.) Сер. Азиатская Россия. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2007. 320 с.

Исаченко В., Лавров С. Предварительный отчет по исследованиям 1908 года (низовья р. Енисей и Енисейский залив) // Материалы по исследованию р. Енисей в рыбопромысловом отношении. Красноярск: Тип. М.И. Абалакова, 1908. Вып. 1. 64 с.

Козьмин Н.Н. Земельный вопрос в Енисейской губернии. Красноярск: Тип. тов-ва кооперативов Енисейской губ., 1917. 24 с.

Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1865. Т. 2. 188 с.

Л.К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909а. № 20. С. 23.

Л.К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909б. № 21. С. 39–41.

Окулич И.К., Исаченко В.Л. Инородцы низовьев реки Енисей и рыбный промысел // Материалы по исследованию р. Енисей в рыбопромысловом отношении. Красноярск: Тип. М.И. Абалакова, 1909. Вып. 2. 31 с.

Хоменко Д.Ю. Землеустроительная реформа у хакасов Енисейской губернии в начале XX в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. материалов II Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 155–162.

Шекшеев А.П. С.И. Четвериков и сибирские овцеводческие экономики // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1998. С. 116–126.

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: Этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX в. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 311 с.

Шиловский М.В. Этносоциальные процессы в Сибири на рубеже XIX–XX вв. в современной историографии (1991–2004 гг) // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества: (История и современность). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005. Вып. 3. С. 30–48.

Шлихтер А.Г. Экономическое положение крестьян Туруханского края. Ч. 2. // Материалы по исследованию р. Енисей в рыбопромысловом отношении. Красноярск: Ен. губ. эл.-тип., 1916. Вып. 8. 99 с.

D.Yu. Khomenko

Krasnoyarsk Medical Vocational School

Instrumentalnaya st., 12, Krasnoyarsk, 660123, Russian Federation

E-mail: khomenko_denis@mail.ru

LAND AND WATER ARRANGEMENT AMONG THE INDIGENOUS PEOPLES IN YENISEI REGION IN THE EARLY XX CENTURY

This paper examines the process of land arrangement among the Khakas and water arrangement in the lower reaches of the Yenisei River in the early XX century, which affected the Kets, Dolgans, Selkups, Nenets, Enets and Evenks. The author considers water arrangement and land arrangement as parts of a single process. Land arrangement and water arrangement had different immediate causes, but they were of the same essence: the government secured its rights for natural resources: lands in the south of Yenisei region and fishing areas in the north of the region. During the land arrangement resettlement, the officials withdrew the land from the use of the Khakas people. The author argues that the withdrawn land was more than 744 500 dessiatins (more than 800 000 hectares). But it wasn't ethnicity-based discrimination, because the land was taken away from the Russian people too. On the contrary, the officials responsible for relocation tried to give the Khakas people land above the limit. Fishing areas in the north of Yenisei region were withdrawn from the use of the indigenous peoples and the Russian people. It had been planned to lease fishing areas. So, there was no ethnicity-based discrimination in the north of Yenisei region. The author also argues that the goal of land and water arrangement was to create legal conditions so that big business could enter Siberia. For example, a large capitalist sheep farm «Vladimir Alekseev» was created in the south of Yenisei region. It was built on the lands that had been taken away from the Khakas people.

Земле- и водоустройство коренных народов Енисейской губернии в начале XX в.

It had been planned to lease fishing areas to big business in order to organize high-yield fisheries in the north of Yenisei region. «Enisejskaya kompaniya parohodstva» (Yenisei steam navigation company) received a lease. But that enterprise didn't organize high-yield fisheries. It subleased the fishing areas to the local population. The goal wasn't reached. Thus, we can conclude that government's activity in the south of Yenisei region was successful, and in the north it was a failure.

Key words: land arrangement, water arrangement, Yenisei governorate, the Khakass, Northern Yenisei region, fishing industry, capitalist economy.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-40-1-118-125

REFERENCES

- Gornyj I., 1909. Pereselenie baranov iz Kavkazskih stepej v Minusinskie [Moving sheep from the Caucasian steppes to Minusinsk steppes], *Sibirskaya zhizn'*, no. 282, p. 3.
- Grigor'ev V.Yu., 1906. *K voprosu o pozemel'nom ustrojstve inorodcev Minusinskogo kraja* [About land arrangement among the indigenous peoples in Minusinsk region], St. Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha, 133 p.
- Dameshek L.M., 2007. *Sibirskie «inorodcy» v imperskoj strategii vlasti (XVIII — nach. XX v.)* [Siberian indigenous peoples in imperial power strategies (XVIII — beg. of the XX century)], Irkutsk: Vostochno-Sibirskaya izdatel'skaya kompaniya, 320 p.
- Isachenko V., Lavrov S., 1908. Predvaritel'nyj otchyot po issledovaniyam 1908 goda (nizov'ya r. Eniseya i Enisejskij zaliv) [A preliminary report of 1908 (the lower reaches of the Enisey River and the Yenisei Bay)]. *Materialy po issledovaniyu r. Eniseya v rybopromyslovom otnoshenii* vol. 1., Krasnoyarsk: Tip. M.I. Abalakova, 64 p.
- Koz'min N.N., 1917. *Zemel'nyj vopros v Enisejskoj gubernii* [The land question in Yenisei region], Krasnoyarsk: Tip. tovarishchestva kooperativov Enisejskoj gub., 24 p.
- Krivoshapkin M.F., 1865. *Enisejskij okrug i ego zhizn'* [The Yenisei district and its life], vol. 2, St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova, 188 p.
- Okulich I.K., Isachenko V.L., 1909. Inorodcy nizov'ya reki Eniseya i rybnyj promysel [Indigenous peoples in the lower reaches of the Yenisei River and fishing]. *Materialy po issledovaniyu r. Eniseya v rybopromyslovom otnoshenii*, vol. 2, Krasnoyarsk: Tip. M.I. Abalakova, 31 p.
- Khomenko D.Yu., 2012. Zemleustroitel'naya reforma u hakasov Enisejskoj gubernii v nachale XX v. [Khakas land reform in Yenisei region in the early XX century]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanij: Vzgl'yad molodyh uchyonyh*, Novosibirsk: Parallel', pp. 155–162.
- Shekshhev A.P., 1998. S.I. Chetverikov i sibirskie ovcevodcheskie ehkonomii [S.I. Chetverikov and Siberian sheep farm]. *Rossiya i Hakasiya: 290 let sovmestnogo razvitiya*, Abakan: Izd-vo HGU im. N.F. Katanova, pp. 116–126.
- Sherstova L.I., 2005. *Tyurki i russkie v Yuzhnoj Sibiri: Ehtnopoliticheskie processy i ehtnokul'turnaya dinamika XVII — nachala XX v.* [Turks and Russians in southern Siberia: Ethno-political processes and cultural dynamics of the XVII — beginning of the XX century], Novosibirsk: IAET SO RAN, 311 p.
- Shilovskij M.V., 2005. Ehtnosocial'nye processy v Sibiri na rubezhe XIX–XX vv. v sovremennoj istoriografii (1991–2004 gg.) [Ethnosocial processes in Siberia in the XIX–XX centuries in modern historiography (1991–2004)]. *Tradicii ehkonomicheskikh, kul'turnyh i obshchestvennykh svyazej stran Sodruzhestva: (Istoriya i sovremenost')*: *Mezhvuz. sb. nauch. tr.*, vol. 3, Omsk: Izd-vo OmGPU, pp. 30–48.
- Shlihter A.G., 1916. Ehkonomicheskoe polozhenie krest'yan Turuhanskogo kraja. Ch. 2 [Economic situation of the farmers in Turukhansk region. Part 2]. *Materialy po issledovaniyu r. Eniseya v rybopromyslovom otnoshenii*, vol. 8, Krasnoyarsk: En. gub. ehl.-tip., 99 p.
- Vashchenko P.T., 1979. Social'no-ehkonomicheskij uklad naseleniya Tajmyra vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv. [Socio-economic structure of the population of Taimyr in the second half of the XIX — early XX centuries]. *Istoriya, arheologiya i ehtnografiya Sibiri*, Tomsk, pp. 185–197.
- Vdovin A.S., 2004. Obshchestvennyj rezonans odnoj nauchnoj ehkspedicii [Public response to one scientific expedition]. *Enisejskaya provinciya*, vol. 1, Krasnoyarsk, pp. 91–99.
- Volkov V., Ivanov S., 1910. Pis'mo v redakciyu ot upravleniya Gosudarstvennymi imushchestvami Enisejskoj gub. v Krasnoyarske [A letter to the editorial board from the Department of state assets of Yenisei region in Krasnoyarsk]. *Sibirskaya zhizn'*, no. 11, pp. 3–4.
- Vostrotin S.V., 1910. *Turuhanskaya rybopromyshlennost' i inorodcy* [Turukhansk fishermen and indigenous peoples], St. Petersburg: Tip. Al'tshulera, 62 p.